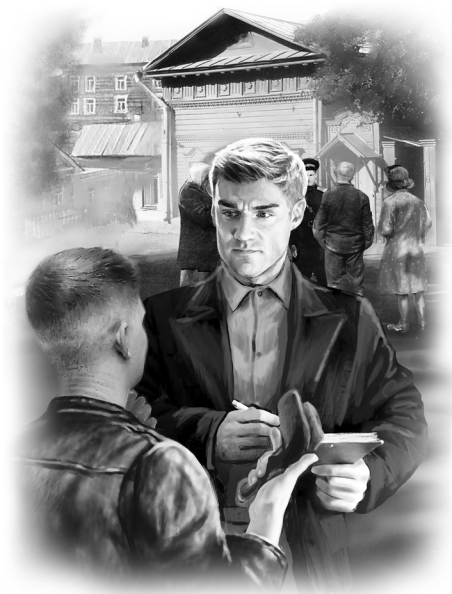

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ЛОВУШКА ДЛЯ СТЕРВЯТНИКА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Сухов, Евгений.

С91   *Ловушка для стервятника / Евгений Сухов. —*
Москва : Эксмо, 2025. — 512 с.

ISBN 978-5-04-226075-9

1948 год. На окраине Казани убита и ограблена пожилая семья, муж и жена. Следов взлома и повреждений на двери нет. Очевидно, хозяева сами впустили убийцу в дом и поплатились за это жизнью. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Виталий Щелкунов в недоумении: за последние недели это третье похожее убийство. Во всех случаях жертвами становились старики, не способные оказать сопротивление. Свидетели, случайно разглядевшие в сумерках преступника, утверждают, что он высокого роста, носит военную или милицмейскую форму. Уже кое-что... Майор Щелкунов еще не подозревает, что именно форма в скором времени станет причиной и его личной трагедии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226075-9

© Сухов Е., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть I

ТЕМНАЯ СТОРОНА СУКОНКИ

Глава 1

1948 год, начало июня

УБИЙСТВО СЕМЬИ КУЗЬМИНЫХ

Подле деревянного дома, где произошли трагические события, как это бывает нередко в подобных случаях, собрались родственники, соседи и просто знакомые, которые сочувственно говорили о погибших и поминали их добрым словом.

— У какого же изувера на немощных стариков рука поднялась! У них даже и воровать-то нечего было, столько лет прожили, а ничего толком и не нажили...

У входа в старей, но еще крепкий сруб с небольшим дощатым пристроем стоял ладный сержант милиции лет двадцати пяти, на отглаженном кителе которого был прикреплен орден Отечественной войны I степени и медаль «За оборону Сталинграда». Строгое лицо подчеркивало драматизм случившегося и отбивало желание у собравшихся пройти в дом и посмотреть на убиенных.

Начальник отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством майор Виталий Щелкунов подрулил к крыльцу дома на стареньком «М-1», потеснив собравшихся, и бодро выбрался из автомобиля. «Эмка», несмотря на вполне приличный вид, в действительности являлась самым

настоящим инвалидом (успела в первые годы войны немало поколесить по фронтовым дорогам): кузов, пробитый осколками во многих местах, был тщательно залатан и покрашен; пружины и рессоры, изрядно изношенные, ощущали малейшую колдобину; на малых оборотах машину пробивали значительные вибрации, что свидетельствовало о проблемах с рулевым приводом. Легковой автомобиль уже значительно потерял свое главное свойство — высокую проходимость, но для городских условий вполне подходил.

Собравшиеся, признав в прибывшем Щелкунове высокое милицейское начальство, охотно расступились. Милиционер, стоявший у входа в дом, еще более распрямылся, показав гвардейскую статью. Виталий Викторович вошел в полутемные сени и едва не столкнулся с вышедшей навстречу следователем лейтенантом Зинаидой Кац.

— Доложите, — произнес он коротко.

— Тупым тяжелым предметом, предположительно обухом топора, был убит семидесятипятилетний хозяин дома Филипп Степанович Кузьмин. Этим же предметом была убита его жена, семидесятилетняя Клавдия Петровна Кузьмина. Никаких следов взлома на двери нет, на замке также отсутствуют какие-либо механические повреждения. Предположительно убитая супружеская пара знала своего убийцу и поэтому впустила его в дом.

— Старо как мир... Нас убивают те, кому мы доверяем... Орудия убийства найдены? — спросил Виталий Викторович.

— Никак нет, товарищ майор, — произнесла Зинаида Кац. — Ищем, но пока безуспешно. Скорее всего, преступник забрал орудие убийства с собой.

Майор Щелкунов прошел в комнату, где уже находился эксперт-криминалист капитан Герман Иванович Левин — худощавый сорокалетний мужчина с заостренным лицом. Присев на корточки, он рассматривал белесый след от ботинка, отчетливо отпечатавшийся на деревянном гладком полу. Посмотрев на старшего оперуполномоченного капитана Валентина Рожнова, попросил:

— Валя, запечатлей вот этот след. Постарайся почетче. Так, чтобы рисунок подошвы был хорошо виден.

— Сделаю, — ответил Рожнов, склонившись. Ярко полыхнула вспышка, за ней еще одна, столь же ослепительная.

Подле различных домашних предметов, разбросанных на полу, лежали небольшие квадраты картона с написанными на них черными цифрами. Стопанная тапочка без задников, слетевшая с правой ноги старика, значилась под номером «5». Стараясь не наступать на оставленные следы, Валентин сфотографировал и ее.

Заметив подошедшего начальника Щелкунова, капитан Левин распрямился и, пожав протянутую руку, негромко произнес:

— Здравия желаю, товарищ майор.

— Что можете сказать по этому делу, Герман Иванович?

— На теле наблюдаются поздние трупные изменения. Судя по окоченению верхних и нижних конечностей, смерть наступила где-то восемнадцать — двадцать часов назад... По моему предположению, хозяева сами впустили в свой дом убийцу. Это даже видно по тому, что никаких следов разрушения в первой половине дома не обнаружено. Убийца довольно основательно потоптался в центре горницы, прежде чем ударить старика по

голове чем-то тяжелым. Возможно, что они даже о чем-то спорили, а потом, когда старик повернулся к преступнику спиной, тот ударил его по затылку. Судя по нанесенному удару, убийца был немного выше среднего роста, старик ведь тоже не маленький... Более точно может сказать судебно-медицинская экспертиза... По тому, как расположено тело следующей жертвы, пожилой женщины, можно предположить, что Кузьмина пыталась убежать от убийцы, но тот ее догнал и также ударил тем же самым предметом, предположительно обухом топора.

— А чем занимался потерпевший? — спросил майор у стоявшего рядом Валентина Рожнова.

— Кузьмин работал в артели. Делал из металла всякую посуду, говорят, что был очень хорошим мастером.

Осмотрев помещение, майор заметил:

— Что-то незаметно, что он хоть как-то разжился на своей работе.

— Соседи сказали, что особого добра у него не было. В основном покупал детскую одежду для внуков, передавал деньги сыновьям, они у него многодетные. У одного трое детей, а у другого четверо... Так что преступник наведаясь к нему неслучайно. Нашел предлог, чтобы зайти, например мог заверить, что хочет заказать сковородки или залатать какую-нибудь кружку.

— Все может быть, — хмуро отозвался Виталий Викторович и прошел в соседнюю комнату, где увидел на крашеном полу распластанную пожилую женщину в выцветшем стареньком сарафане. Ее правое колено было немного выставлено вперед, как если бы и после смерти она продолжала свой бег. Одна рука отставлена в сторону, другая располагалась у ее посиневшего сморщенного лица, словно женщина пыталась укрыться от разящего

удара. Череп от сильного удара значительно деформирован, волосы неряшливо слиплись от выступившей крови, вокруг головы образовалась запекшаяся красная лужа. Смотреть на такое зрелище было больно; грудную клетку сдавило, стало трудно дышать, и Щелкунову пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы восстановить дыхание.

В комнате скудная обстановка. Из роскоши лишь старинный тяжелый комод из темного дерева, стоявший с выдвинутыми ящиками, да шкаф с распахнутыми дверцами. На полу в беспорядке валялись разбросанные вещи, большей частью детские распашонки и куски цветной материи. Наиболее ценное убийцы унесли с собой.

— Кто первым обнаружил трупы? — посмотрел Виталий Викторович на Рожнова, вошедшего следом.

— Валютин Семен Измайлович, двадцать лет. Фрезеровщик семьсот восьмого завода.

— Где он?

— Дождается на улице.

— Пригласи его сюда, хочу побеседовать.

— Есть, — отозвался Валентин Рожнов и тотчас вышел за дверь.

Через несколько минут капитан вернулся с парнем невысокого роста, беспокойно мявшим в руках серую матерчатую фуражку с поломанным козырьком. Пошел уже второй час, как он находился на месте преступления, дважды порывался уйти, ссылаясь на то, что у него вторая смена на режимном заводе, за опоздание может последовать уголовная ответственность. Но молодой капитан с какой-то настойчивой обходительностью советовал ему дождаться начальника отдела по борьбе с бандитизмом майора Виталия Щелкунова.

— Товарищ майор, мне сегодня еще работать во вторую смену, и мне нужно...

— Я вас не задержу, — перебил Виталий Викторович. — Во сколько вы пришли в дом к Кузьминым?

— Еще восьми даже не было, — ответил парень.

— А почему так рано?

Парень пожал плечами и сказал:

— Филипп Степанович мне сам так назначил. Я и не возражал, жену еще хотел на работу проводить. Вот только кто же знал, что так оно обернется?

— Вы далеко живете?

— Нет, совсем рядом, на Лядской, — махнул он рукой в направлении Лядской улицы.

— А какая причина для столь раннего визита?

— Кастрюля у нас большая прохудилась. А без нее как без рук! Воды не подогреешь, щи не сварить... Попросил его залудить. Я уж не первый раз к Филиппу Степановичу обращаюсь. В работе с железом он мастер: и запаляет как нужно, и послесарит как положено... точнее, был, — поправился он, смешавшись.

— Понятно... И вот вы подошли к двери, и что было дальше?

— Постучался, как положено. Мне никто не ответил. Я толкнул дверь и вошел.

— Семен, а вам не показалось странным, что дверь открыта?

Свидетель отрицательно покачал головой. Он мял кепку, выкручивал.

— Не показалось. Они ведь и раньше не всегда закрывали дверь. От кого тут хорониться? А потом, уже утро, чего бояться?

— Вы вошли — и дальше что?

— В сени я вошел... Окликнул их поначалу, мне никто не ответил... Даже тогда я ничего не заподозрил. Старики ведь, подумал, может, не расслышали, слух уже не тот... А когда уже прошел в горницу, то увидел лежавшего на полу Филиппа Степановича, вокруг его головы кровь... Внутри как-то сразу все оборвалось, — признался парень. — А потом глянул в другую комнату, а там и хозяйка тоже лежит. Мертвая... Ну я и пошел в милицию, сообщил. А потом мы с товарищем милиционером вернулись и стали вас ждать.

— А вы можете найти здесь вашу кастрюлю? — поинтересовался майор Щелкунов, посмотрев на руки свидетеля. Теперь кепка находилась в правой руке. Ладони парня успокоились.

— А чего ее искать? — удивленно пожал он плечами. — Вон она стоит, — указал он на трехлитровую кастрюлю, покрытую коричневой эмалью, стоявшую на полу у стены. — Видно, Филипп Степанович специально вынес ее поближе, чтобы мне сразу отдать. Можно я ее возьму?

— Возьмете ее позже, обещаю. А сейчас наши эксперты должны исследовать ее на предмет отпечатков пальцев. Может, вы заметили кого-нибудь около дома?

— Никого не видел, — отрицательно покачал головой свидетель. — Иначе бы я вам сразу сказал.

— Что ж, можете идти. Ваш адрес у нас есть, так что, если понадобится, мы вас позовем.

Попрощавшись, Валютин тотчас проскользнул в полуоткрытую дверь.

— Можете сказать, сколько было преступников? — повернулся майор Щелкунов к криминалисту, когда свидетель вышел из комнаты.

— С большой долей вероятности могу утверждать, что грабитель был один. Взгляните сюда, — указал капитан Левин на четкий отпечаток. — Он старательно обходил тела убитых, опасался наступить на разлившуюся кровь, но наступил на кусочек мела, который, видимо, выкатился из шкафа. Отсюда такой четкий отпечаток сапога. Других следов — обуви, ступней, — кроме как самих хозяев, не обнаружено.

— Может, злоумышленник на чем-то приехал? Ведь должен же он был как-то вывозить награбленное добро, — высказал предположение Щелкунов. — Машина или телега какая-нибудь?

Капитан Левин отрицательно покачал головой.

— Это вряд ли... Снаружи дома следов ни от транспортных средств, ни от повозки обнаружено не было.

— Может, он вещи куда-то запрятал? — посмотрел Виталий Викторович на Рожнова.

— Все обыскали, товарищ майор, ничего не нашли.

— Значит, получается, что он взял не так уж и много, если сумел унести все с собой. Сложил в мешок и ушел. Получается, что ни улики, ни отпечатков пальцев, кроме этого следа в комнате, у нас не имеется? — хмуро посмотрел майор Щелкунов на криминалиста.

— Выходит, что так. Но могу подтвердить версию, что убийца был выше среднего роста.

— Соседей опросили? — Виталий Викторович перевел взгляд на капитана Рожнова. — Может, кто-то из соседей видел человека, выходящего из дома пострадавших? Знаете, как это бывает: кто-то вышел на улицу покурить, кто-то с собакой пройтись?

— Я опросил всех соседей, — с готовностью отозвался капитан. — Никто ничего не видел.

Майор Щелкунов вышел из избы. За последние полгода это было третье убийство, случившееся на Марусовке. Последнее произошло неподалеку от пекарни, в которой когда-то в две смены выпекал кренделя будущий пролетарский писатель Максим Горький, там же он и спал на мягких мешках. Весьма невесело он отзывался об этом периоде своей жизни в автобиографической трилогии о Казани. Внешний вид Казани мало с тех пор изменился...

Основателем Марусовки считался бывший сапожник Лупп Спиридонович Марусов, чьи предки, итальянские купцы, прельстившись значительной маржой, прибыли в Петербург из Венеции двести лет назад. Затем многочисленное потомство разорилось и разбрелось по всей Российской империи, поменяв купеческое сословие на мещанское. От прежней родословной у них оставались только римские имена да унаследованная фамилия, происходившая от имени Мария, столь почитаемого на Апеннинском полуострове. Кто бы мог подумать, что через сотни лет у одного из отпрысков Марусовых вдруг неожиданно проснется страсть к коммерции и он на долгие годы впишет свое имя в историю города как успешный коммерсант.

Поднакопив денег, Лупп Марусов купил поначалу деревянный одноэтажный дом на Рыбнорядской улице¹, в котором разместил разночинную молодежь за умеренную плату. Сдавать квартиры внаем оказалось весьма прибыльным делом. Через несколько лет предприимчивый Лупп Марусов, теперь уже уважаемый купец, воз-

---

¹ В 1899 году в честь 100-летия А. С. Пушкина Рыбнорядская улица была переименована в улицу Пушкина.

двигнул еще около тридцати одно- и двухэтажных строений, в которых размещалось около двух тысяч квартир, заполнявшихся малообеспеченными студентами. После смерти Марусова дома были перепроданы.

Молодежь, склонная к кучному проживанию, охотно принимала в квартиры менее удачливых собратьев, по воле окаянной судьбы оставшихся без жилья, а потому число жильцов порой увеличивалось едва ли не вдвое.

Веселые, склонные к застолям и многим похабным развлечениям, зараженные революционной бациллой, студенты нередко проводили вечера в загульных застольях и жарких спорах. А потом, дружески обнявшись с оппонентами, гурьбой шли в местные бордели, каких в Марусовке всегда было немало, а с появлением студентов их количество увеличилось многократно. Отходя от жестокого похмелья, студенты и разночинцы топали на Старо-Горшечную улицу, в бакалейную одноэтажную лавку Андрея Деренкова (хозяина двух пекарен и булочной, человека простого, с добродушным лицом), при которой была лучшая в городе библиотека, где было немало редких и даже запрещенных цензурой книг.

Марусовка во все времена значилась в сводках полиции как место, где собираются неблагонадежные политические и уголовные элементы. Дня не проходило, чтобы на Марусовке не приключилось поножовщины; случилось, что конфликты перерастали в самые настоящие побоища со смертоубийствами. Даже с приходом советской власти образ жизни ее обитателей мало изменился — все та же разгульность и вольница. Только прошедшая война, вычистившая значительную часть ее обитателей, заставила малость поутихнуть ее старожилов и отступить от прежнего образа жизни.

Всплеск преступности в Марусовке произошел после возвращения с войны фронтовиков. Привыкшие к оружию отставные рядовые и бравые сержанты нередко пускали его в дело в разгар горячих споров как последний убедительный аргумент; зачастую смертоубийства случались по пьяному делу, когда видели в спорщике не человека, имевшего собственное мнение, а неприятеля во вражеском окопе.

Все три случая убийств, произошедшие в последние недели, походили один на другой: жертвами становились старики, неспособные оказать должного отпора. Бандиты, пользуясь доверчивостью пожилых людей (старички, как и дети, склонны к простосердечности), заходили в их дома, после чего жестоко убивали, забирали все самое ценное и уходили незамеченными. Немногие свидетели, видевшие одного из убийц в потемках, утверждали, что он высокого роста, носит военную или милицейскую форму; по выправке напоминает военного. Особых примет не обнаружено.

Нынешние убийства никак не укладывались в неписанные правила Марусовки: убивать и грабить стариков считалось делом отвратительным, а потому среди коренных обитателей глухо клочотало возмущение.

— Папироской не угостишь? — подошел к Виталию Викторовичу крепкий брюнет лет сорока. Манера держаться, блатной флер, наколки на пальцах выдавали в нем человека бывалого, много повидавшего. Такие люди стараются держаться от милиции подальше, только большая нужда может заставить их приблизиться. Похоже, что таковая назрела.

Щелкунов вытащил распечатанную пачку «Беломорканала» и, выбив из нее папиросу, протянул брюне-

ту (от внимания майора не укрылось, как лицо брюнета дрогнуло).

— «Беломорканал», значит... Памятные места!

— Приходилось бывать? — шелкнул трофейной зажигалкой Виталий Викторович и поднес крохотный огонек к лицу брюнета.

— А то как же! Пять лет у хозяина протянул! Благодарствую. — Он раскурил папироску. — Каждый второй «Ударник». Вот только значков не выдавали... Я ведь не только на Беломорканале чалился, а еще и на Соловках побывал. — Глубоко затянувшись, он закрыл глаза, с минуту подержал в легких дым, а потом выдул его тонкой упругой струйкой. — Помню, в двадцать девятом к нам «буревестник революции»¹ приезжал с большой свитой. Даже в трудовой колонии побывал... Я тогда рядом с ним стоял... Вот как тебя видел! Привет ему с Марусовки передал, сказал, что о нем там не позабыли. А некоторые даже его сладкие кренделя помнят, что он выпекал.

Рассказ брюнета майора заинтересовал.

— И что же он ответил? — спросил Щелкунов.

— А ничего! Посмотрел на меня как-то пристально, а потом сразу из барака вышел. Да и Шаляпин тут у нас на Марусовке проживал, дружок Горького. На соседних улицах жили. Вот в том флигелечке Шаляпин родился, — указал брюнет на покосившийся пристрой. — Теперь в нем моя тетка двоюродная обитает. Это ведь потом он стал пением на жизнь зарабатывать, а в молодости хорошим кулачным бойцом был. Вся Марусовка им гордилась! На стороне Суконной слободы с татарами дрался. Этим и копеечку хорошую заколачивал. Шаляпин ведь роста не-

---

¹ Максим Горький.

маленького был, размах руки широкий, если кому в репу попадало как надо, так тот уже и не вставал... На Марусовке еще немало осталось людей, кто с ним на Кабачке против Татарской слободы бился. Глядя на него, ведь и не скажешь, что лихой кулачный боец... А ведь потом всю сознательную жизнь прожил так, как будто бы барин родился. И выезд у него собственный, и шубейка на плечах соболиная. Вот что значит марусовская закваска! А Горький все булки свои продавал. И хорошую маржу от этого имел. Чувствовалась в нем купеческая жилка! Вот Луначарский сказал, что Горький — «буревестник революции», убежденный марксист, первый по времени пролетарский писатель. А ведь когда я чалился, все книги его прочитал... И вот хотелось бы спросить, что же этот «пролетарский писатель» тогда все про купцов писал. И хорошо писал, прекрасно знал, как они живут, потому что сам был из купцов!

Накативший порыв ветра откинул ворот рубахи уркагана, обнажив наколотый на левой груди профиль Сталина. Рассудительный уркач был масти непростой: такие знатные портреты накалывают обычно уголовники, просидевшие в местах заключения не менее десяти лет, занимавшиеся серьезным воровским промыслом и имевшие в преступной среде значительный авторитет. Существовало поверье, что расстрельная команда не станет стрелять в профиль вождя, наколотый на груди у пахана. Некоторая сермяжная правда присутствовала — майор Щербаков и сам мог припомнить немало примеров, когда ситуация пересматривалась и расстрел заменялся двадцатью пятью годами в лагерях.

Указав на татуировку Сталина, Виталий Викторович поинтересовался:

— А если надумают тебя в спину расстрелять, что тогда?

Табачок сближал — курили как старые добрые приятели. Делить между собой было нечего, да и повода для ссоры не существовало. Но вместе с тем каждый из них ощущал, что между ними проходит глубокая межа, перешагнуть которую невозможно.

Заговорщицки улыбнувшись, урка произнес:

— А на спине у меня товарищ Ленин выколот.

— Значит, все предусмотрел. Но ведь с прошлого года расстрельную статью отменили.

— А у нас ведь как? Сегодня отменили, а завтра вновь ввели. Товарищ Ленин с товарищем Сталиным на теле правильного бродяги лишними не станут.

Уркаган вновь поднес папиросу ко рту, и на ребре ладони вора Виталий Викторович увидел затянувшуюся глубокую клочковатую рану, каковую оставляет только коварный осколок.

— Воевал? — спросил Щелкунов.

— Довелось, — неохотно отозвался уркаган, — в сорок четвертом.

Папироса была докурена, бросив окурок на землю, он придавил его носком сапога.

— На Первом Украинском. На Сандомирском плацдарме меня крепко шарахнуло. Даже не знаю, как уцелеть удалось... На зону мне сейчас нельзя. Сейчас там такая резня идет по всем лагерям, что не приведи господь! Живым мне уже оттуда не выбраться... Даже для корешей, с которыми десятку отмотал, я уже ссученный... Я вот что хотел сказать тебе от нас от всех... Вижу, что ты тут главный и мужик вроде бы дельный. И без закидонов! Мы тут на Марусовке ошалели все от увиденного. Старики

совсем, вреда от них никакого. Божьи одуванчики. Всю жизнь здесь прожили... У какого гада на них рука могла подняться, ума не приложу! Ясно, что свои такое сотворить не могли. Такой замысел не утаишь, мы бы их просто порвали на куски! Кто-то из чужих совершил.

— Я тоже так думаю, а сам ты ничего такого не заметил? Может, какие-то пришлые здесь шастали? Ты ведь всех тут знаешь.

— Да разве тут углядишь за всеми! Залетных тоже немало, бабки хаты сдают, тем и живут... Народ меняется едва ли не каждый день. Но если бы кто-то из них, то мы бы все равно знали. Такое не скроешь, они ведь все у нас на виду.

— Ты здесь старший, что ли? — спросил Виталий Викторович, внимательно посмотрев на уркагана.

Во рту было горько от выкуренного табака. Следовало бросать эту скверную привычку, но как это сделать, Щелкунов пока не представлял.

— Можно и так сказать. А ты думаешь, что только милиция за порядком присматривает? — усмехнувшись, произнес уркаган. — Вот разругаются соседи в пух и прах, а мужики между тем друг другу морды набьют, что им делать? В милицию, что ли, бежать жаловаться? А ведь им и дальше вместе жить. Обращаются ко мне, говорят, разреши наш спор, кто прав, а кто виноват. Вот я и растолковываю... Объясняю, что нужно делать, чтобы худого не случилось, чтобы дальше в мире жить. Или, к примеру, пацана обидели, а у него батяни нет, чтобы за него вступиться, на фронте погиб. Иду и заступаюсь... Обещай мне сообщить, если найдешь тех, кто стариков погубил. Смертную казнь отменили, а вот я бы со своей стороны организовал им на зоне горячий прием.

Виталий Викторович выдержал паузу.

— Тебя как звать-то?

— Федор Марусовский.

— Мы же с тобой, получается, как бы по-дружески разговариваем, Федор? Верно?

— Все так, — добродушно заулыбался брюнет.

— Только за одно такое предложение я бы мог тебя привлечь... Но я этого не сделаю. И советую тебе не поступать с этими мерзавцами скверно, если ты их все-таки где-то отыщешь. Потому что вынужден буду поступить с тобой по закону. А правосудие у нас строгое! Не мне тебе об этом рассказывать... Но вот если ты мне поможешь отыскать этих ублюдков, то буду тебе очень признателен. Обещаю тебе точно, как только эти гады будут пойманы и предстанут перед законом, из тюрьмы им уже не выбраться. А теперь, извини, дела! Нужно идти.

Вернувшись в избу, Щелкунов подозвал к себе Валентина Рожнова и Зинаиду Кац и дал указания:

— Валентин, не верю я, что убийц никто не видел. Место людное, очень приметное, их должны были видеть. Так что пройди еще раз по второму кругу и опроси всех! И поговори с участковым, что-то я его здесь не вижу. Может, он что-то дельное подскажет.

— Будет исполнено, товарищ майор.

— А ты, Зинаида, — посмотрел он на лейтенанта Кац, — подними все дела пятилетней давности по схожим преступлениям и доложи о них мне. Если мне не изменяет память, именно такие преступления были в сорок четвертом и в сорок пятом. Они были раскрыты, а злоумышленники были осуждены на длительные сроки заключения. И вот теперь опять то же самое. Что-то здесь не клеится.

— Сделаю, товарищ майор, — с готовностью отозвалась Зинаида.

— Ну а мне нужно ехать к начальнику УГРО города и доложить о том, что здесь произошло.

Попрощавшись, Щелкунов поторопился к ожидавшему его автомобилю.

* * *

Щелкунов освободился поздно. Пора идти домой, вот только там его никто не ждал. Квартиру он воспринимал как некое помещение, откуда он уходил на службу и в котором можно было приготовить себе завтрак перед началом рабочего дня. Отпустив машину, Виталий Викторович с минуту размышлял, а потом повернул к дому Полины Терехиной.

О его отношениях с Полиной в управлении даже никто не догадывался — Виталий привык держать в секрете свои отношения с женщинами. Полина тоже не склонна была распространяться о своих сердечных привязанностях. Их тайный роман начался несколько месяцев назад, когда его отдел занялся поисками студента, пропавшего десять лет назад. У следствия имелись серьезные основания полагать, что его убили (впоследствии предположение всецело было подтверждено). Благодаря содействию Полины Терехиной (она училась с пропавшим в одной студенческой группе) были найдены останки пропавшего парня, что помогло разоблачить убийц. Вскоре их отношения окрепли, а затем и вовсе переросли в привязанность.

У Полины была непростая судьба. Муж погиб на фронте, и она как могла тянула двоих детей — работала инженером на производстве, а в свободные часы брала

заказы на пошив платьев и мужских костюмов. К шитью у нее всегда были способности, и за короткий срок у нее образовалась значительная клиентура из высокопоставленных лиц, желавших заполучить в свое пользование модную обновку.

До ее дома, если идти пешком, не более получаса, и Щелкунов с большим удовольствием прогулялся по пустынным улицам, благо что тому способствовала и погода — дневную духоту остудил прохладный ветерок, двигавшийся волной со стороны Волги.

Вот ее старый дом, первый каменный этаж освещался уличным фонарем. У подъезда стояли два человека в сапогах со смятыми в гармошку голенищами и в кепках, надвинутых на самые глаза. Первый был высок и плотен, другой, напротив, тщедушного телосложения и маленького росточка. Но худощавый держался боевито и с суровыми интонациями распекал крепыша. Сразу было понятно, кто в этой странной паре был за главного. Не иначе как местные блатары. Рука майора скользнула в правый карман, где находилось табельное оружие.

Заметив Щелкунова, неспешно приближающегося, незнакомцы встретили его недобрыми взглядами, а потом худощавый что-то негромко сказал громиле, и они тотчас заторопились вниз по улице.

«Так-то оно лучше будет», — подумал Виталий Викторович, расслабляясь.

Вот и знакомый подъезд с облупившейся светло-желтой штукатуркой, через которую проступала старая кладка — малость покоцанные красные кирпичи. На лестнице темно, только на верхнем этаже через узкий оконный проем подъезда мягко сочился лунный свет.